

УДК 811.512.154'373.23+39(=512.154)+39(=581)

А. А. Джон**Ф. Н. Хаваза**

*Национальная Академия наук Кыргызской Республики,
Бишкек, Кыргызстан*

A. A. Djon**F. N. Khavaza**

*The National Academy of Science of the Kyrgyz Republic,
Bishkek, Kyrgyz Republic*

Изменения в антропонимии дунган (хуэйцзу) как маркер идентичности

Change in Dungan (Huitzu) anthroponymy, as a marker of identity

В статье рассматривается трансформация антропонимии дунган стран Центральной Азии. Показано, что проживание дунганского населения Кыргызстана и Казахстана за пределами своего основного этнического массива под влиянием окружения приводит к значительным переменам в традиционной культуре, а значит, и в антропонимике как одном из проявлений единства народа. Основываясь на данных лингвистических и этнологических исследований, авторы приходят к выводу об изменении идентичности данной этнической группы.

Ключевые слова: этническая группа, традиция, дунгане, фонетические особенности, трансформация, современная антропонимия, идентичность.

The article deals with the transformation of anthroponimics of Dungans of Central Asia. It is shown that accommodation of the Dungans of Kyrgyzstan and Kazakhstan outside its main ethnic group under the influence of the environment leads to a significant change in the traditional culture, and hence in anthroponimic as one of the manifestations of the unity of the people. Data based on linguistic and ethnological studies, the authors come to the conclusion about the change of the identity of this ethnic group.

Keywords: ethnic group, tradition, Dungans, phonetic features, transformation, modern anthroponymy, identity.

Проблеме антропонимии в дунгановедении были посвящены работы М. Х. Имазова, А. Дж. Калимова, А. М. Решетова и А. Н. Седловской, Г. Г. Страгановича и Ю. Я. Яншансина, А. А. Джона [1–4].

В кратком дунганско-русском словаре Ю. Я. Яншансина зафиксированы дунганские имена и фамилии в виде списка [5, с. 277–284], список имён приводится и в работе «Имена среднеазиатских дунган» А. Калимова [3, с. 26]. Антропонимия дунган в последние десятилетия претерпела изменения даже по сравнению со второй половиной прошлого века, при этом она начинает терять свои традиционные фонетические особенности, что является отражением изменений в области стратификации данной этнической группы среди населения Кыргызстана и Казахстана.

Наряду с другими элементами культуры, маркером этничности может служить и антропонимия представителей народа, этнической группы. Даже в тех случаях, когда происхождение имён имеет общие истоки, фонетические особенности их воспроизведения, в том числе и у генетически родственных этносов, относящихся к одной языковой группе, могут быть разными, как и частота употребления в наречении детей теми или иными именами. Это даёт возможность окружающим определить этническую, национальную и даже групповую принадлежность обладателя антропонима и, соответственно, его этническую и национальную идентичность. Скажем, любой представитель недунганской этнической принадлежности, проживающий в данном регионе, услышав имя «Исмар» или «Исхар», скажет, что его носитель дунганин, и каждый дунганин, услышав имя или фамилию «Лоу», поймет, что обладатель этого антропонима дунганин-шэньсиец.

Проживание дунганского населения Кыргызстана и Казахстана вне ареала своего основного этнического массива под влиянием окружения привело к значительному изменению его традиционной культуры. Одновременно с этим произошёл дрейф этнической и национальной идентичности и, соответственно, антропонимии этноса как одного из признаков принадлежности к этническому и национальному сообществу, так как известно, что общая национальная идентичность может возникнуть не только с генетическим родством, но и вследствие политического, экономического, бытового взаимодействия, одинаковых условий общественного развития в прошлом и настоящем. Антропонимика при этом может быть показателем этих изменений. Именно желание рассмотреть степень этих изменений послужило причиной обращения к данной теме. Антропонимия как явление может быть объектом рассмотрения с точки зрения лингвистики

и этнологии, что делает взгляд шире и позволяет проанализировать её с разных ракурсов.

В качестве материала для данной статьи взяты имена контрольной группы учеников средних школ и их родителей сёл Масанчи и Сортобе, полученные в ходе полевых исследований в этих населённых пунктах, где дунганское население составляет абсолютное большинство [6]. Из 230 имён учащихся лишь 23 имени имеют традиционную дунганскую фонетику, в то время как у их родителей обнаружено 145 имён с традиционной дунганской фонетикой.

Безусловно, начинать рассмотрение в контексте пространства и времени необходимо с состояния этого культурного явления на момент поселения дунган на территории Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана, так как этот временной отрезок является поворотным в судьбе данной этнической группы дунган (хуэйцзу). Этот момент важен потому, что для данной этнической группы дунган изменились территория, условия проживания, культурная среда и направление развития традиционной культуры, антропонимики и идентичности.

Антропонимика дунган в Китае формировалась под влиянием двух цивилизационных притяжений. Проживая и формируясь как этнос в Китае, дунгане не могли быть в стороне от китайских традиций и культуры, но были в конфессиональном отношении связаны с мусульманским миром, его культурой; в нашем случае на антропонимию влияли и исламские традиции.

Трансформацию антропонимии данной этнической группы можно разделить на три периода. Первый период характеризуется наличием имён и фамилий, характерных для Китая; второй — доминированием имён собственных арабо-персидского происхождения в сочетании с родовым именем (фамилией), передаваемых в фонетике дунганского языка; третий — антропонимика, фонетически воспроизводимая по законам тюркского и русского языков. Традиционным стержнем имён собственных для дунган было родовое имя. Подобных имён было несколько десятков, их происхождение могло быть заимствованным у ханьцев, а также трансформироваться в русле фонетики китайского языка от арабских имён [2, с. 90–94]. Судя по сохранившимся реликтам, антропонимику дунган Центральной Азии можно расчленить на несколько групп: 1) китайское *гуан мин* — официальное государственное имя, сочетавшее родовое имя и имя носителя,

например: Бый Су, Ма Дэн-ю и т. п. (впоследствии они стали фамилиями); 2) *жэин мин* («имя, данное по Корану», например: Ламузар, Фатумэ, Мэян и т. д. (здесь и далее имена воспроизводятся в соответствии с правилами дунганской письменности)); 3) имя, передающее возрастное иерархическое положение носителя в семье, например: Дагэ (Старший Брат), Эрже (Вторая Сестра), Ло Эр (Младший Сын») и пр.; 4) женские имена, отражающие пожелательное, эмоциональное отношение, например: Хуахуар (Красивый Цветок), Модан (Пион), Цунжер («цун» — оберегать, сохранять; или омофон слова «цун» — «сообразительная, умная»; «же» — сестра) и т. п.; 5) статусные обращения, отражавшие положение, род занятий, которые стали фамилиями, например: Ма Дажын (господин Ма), Су Тежён (кузнец Су), Вон Ахун (ахун Вон) и т. д.

Эти категории имён могли принадлежать одновременно одному человеку. Так родовое имя (фамилия), скажем, Ма, Лан, Ён, Ян и пр., переходило из поколения в поколение. Имя, отражавшее положение в семье, возникало от старшинства по рождению, чему способствовала традиция избегания произношения имён старших членов семьи младшими. При наречении имени и чтении молитвы по этому поводу давалось мусульманское имя. Наконец, официальное имя появлялось при записях в соответствующих учреждениях. Все эти категории родовых и собственных имён (за исключением женских) впоследствии трансформировались в фамилии во время записей властями русского Туркестана, а позже и органами Советской власти. Позже трансформации способствовала также принятая от тюрков традиция обретения фамилии от имени отца или деда. Именно в этот период возникают такие фамилии, как Матянью (Ма Тян-ю), Мадинцев (Ма Динцэ), Воинов (Вон Ёин) и т. д., которые сочетали родовое имя и имя собственное (китайское официальное) какого-то предка. Подобно этим фамилиям возникли такие как Сушанло (*дунг.* — Су Шёнло, *букв.* — староста мечети Су), Вонахун (Вон Ахун), Биджонгуиди (хозяин, старший Бый) и др. В фамилиях такого типа присутствует родовое имя «щин» в сочетании с родом занятия или социальным статусом отца, деда или прадеда, при этом части слова, обозначающие статус предка, никогда не имели значения пожелательности, которая присутствует в некоторых тюркских именах, но всегда отражали реальный статус носителя, давшего фамильное имя. К следующей категории фамилий

относятся такие, как Шываза (Шывазы, букв. — десятый ребёнок), Хахаза, Давуза, Арбуду (от соответствующих имен), Лоу (почтенный пятый) и т. д., возникшие от имён собственных отца, деда, без родового имени, по тюркской традиции, воспринимавшейся дунганами, как мусульманская. Если в первой категории фамилий присутствовало «щинмин» (родовое имя), то во второй оно уже отсутствует.

Следующая категория — это фамилии, произошедшие от имен отцов и дедов носителей (типа Исмаилов, Юсупов, Сагтаров и т. д.). Она выделена нами специально, так как входящие в нее фамилии отличаются степенью фонетической ассимиляции с языками тюркских народов и наличием во всех случаях окончаний *-ов*, *-ев*, появившихся под влиянием русского языка. Степень отсутствия или наличия подобной ассимиляции отражает время возникновения данных фамилий и степень воздействия культуры соседних народов на носителя. Фамилии такого типа уже не указывают на культурную обособленность дунган, так как этот критерий перестал быть значимым при идентификации тюркского и дунганского населения региона. А. Дж. Калимов, отмечая это явление, писал: «...присвоение детям... имён народов, не имеющих сходства по языку, культуре и религии с дунганами, отчуждает молодое поколение дунган от своего народа» [3, с. 26].

Аналогичную ситуацию можно увидеть и в именах собственных дунганской этнической группы, происходящих от «жинмир» — «имён из Книги». Имена, бытовавшие в начальный период после поселения дунган на территории Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана, отражали фонетическую форму языка сино-тибетской группы. Это значительно отличало антропонимику данной этнической группы от собственных имён — кыргызов, казахов и узбеков. К примеру, имя Исмаил сигнификативно могло быть обозначено как «Исма», «Исмар»; Сулейман — как «Сулиманэ» или «Сулэ»; Мухаммад — как «Мухармэ»; Фатима — как «Фатумэ» или «Фамэ» и т. д. Осложняло идентификацию этих имён наличие в дунганском языке сигнификатов — «детских» форм данных антропонимов, таких как «Мар», «Мамар», происходящих от последних слогов имён «Исмар» или «Жўмар»; «Бэзы», «Бэбэзы», «Ябэ» от имени «Якубэ» и пр. Авторы не согласны с утверждением А. Дж. Калимова, что у дунган «нет формы детского имени, как у русских» [Там же, с. 23]. Все имена, производные от первых или последних слогов «жинмин», типа Ман, Манман (Сулиманэ), Бэ,

Бэзы (Якубэ), Мэ, Мэмэ (Мэян), так же, как имена с окончаниями *-эр* и *-зы*, которые переводятся как «сын», «ребёнок», «дети», являются детскими формами [4, с. 315, 724]. В силу отсутствия классификации и систематизации имён и невысокого образовательного уровня родителей подобные имена фиксировались в документах и превращались в самостоятельные антропонимы, хотя в семье знали о полном имени человека.

Возникновение этих имен относится к периоду, когда дунганская этническая группа оставалась в основном моноязычной и не освоила в достаточной мере двуязычия — тюркско-русско-дунганского. Артикуляционная база языка была основой тех особенностей, которые экстраполировались на всю антропонию. Вместе с тем, как часть этнической культуры она отражала ту особенность, которая была ей присуща. Степень усвоения дунганским населением общей культуры, языков местных народов, и антропоники в частности, отражала изменения в культуре, которые происходили в дунганской среде. Безусловно, сближению антропоники дунган с соседними народами способствовал факт общего происхождения арабской-персидской основы имён. Дальнейшая трансформация происходила уже непосредственно под влиянием тюркских антропонимов, к примеру, вместо имени «Жўмар», которое транскрипционно воспроизводилось как [двумар], появляются имена, подобные кыргызскому «Жума» [джума]; вместо «Ламузар» — «Рамазан», «Рамадан» и т. д. Стали появляться имена, прежде распространённые среди тюркского населения в тюркской артикуляции: Тахир, Гульсум. Следуя некоей моде, возникшей под влиянием современной литературы или кино, в дунганской среде появились имена типа Индира, Биназир, а порой экзотические — Раяна, Тоита, Рауль, Данияль. Большую роль в появлении имён, ранее не свойственных фонетике дунганского языка, типа Сиражудин, Муххамадрасул, Абдурахман, сыграла не только выработка артикуляционных средств в виде умения произносить многослоговые словесные единицы и такие звуки как «р», но и ренессанс исламской религии.

Вместе с тем следует отметить, что эти изменения нельзя относить к чисто лингвистическим явлениям. Ведь несмотря на то, что артикуляционная база позволяла произносить имена славянского происхождения, они не стали частью современной антропоники дунганской

группы населения Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана, так как воспринимались в культурном плане как чуждые. Хотя следует отметить, что в виде редких фактов данные реалии присутствуют в антропонимии этнической группы. Вместе с этим происходит онимизация по модели русской антропонимии типа «Мар-ян» — «Маришка», «Рахи» — «Рашка» и т. д. В антропонимии дунган появилась категория рода, передаваемая не семантикой, а грамматическими признаками — гласными финалями в женских именах и согласными в мужских, например, женское «Мэяна» вместо назализованной гласной в финали «Мэян»; мужское «Керим» вместо «Кери» и т. д.

При сравнении антропонимии дунган (хуэйцзу) стран СНГ и хуэйцзу (дунган) Китая можно констатировать, что при знакомстве хуэйцзу из КНР назовут своё имя, данное по традиции этой страны, и только при вопросе о мусульманском имени упомянут его. Это говорит о том, что у двух частей одного этноса возникли элементы различных идентичностей, которые основаны на разности окружения и гражданской принадлежности. При этом можно привести пример, который может показаться парадоксальным: дунгане (хуэйцзу) Кыргызстана, Казахстана, контактируя с хуэйцзу (дунганями) КНР, неосознанно воспринимают их как китайцев не только по гражданской принадлежности, но и как носителей несколько иной культуры. И наоборот, народы Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, России, хотя и принадлежащие к иному этносу и имеющие иную гражданственность, воспринимаются как «свои» в силу общности культуры и общей новейшей исторической судьбы. Трансформация антропонимики дунган Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана имеет направленность на дальнейшую социализацию, адаптацию данной этнической группы в сообществе народов региона проживания. Какие в будущем возникнут различия в среде дунган Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана, зависит от центробежных и центростремительных подвижек в культуре, в политических взаимоотношениях этих государств, которые могут повлиять на интенсивность культурных, родственных и иных контактов данной этнической группы с основным этническим массивом, проживающим в Китае. Но уже в настоящее время можно констатировать, что антропонимия дунган Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана подверглась кардинальным изменениям и приближается к той черте, за которой она перестанет быть отличительной от

антропонимии иных этносов данных государств, что говорит о сближении их культур.

1. *Джон А. А.* Дунганские прозвища // Материалы по востоковедению. Вып. 1. Фрунзе, 1984. С. 55–61.

2. *Имазов М. Х.* О дунганских родовых фамилиях // Диалог учёных на Великом Шёлковом пути. Бишкек, 2002. С. 90–94.

3. *Калимов А. Дж.* Пути развития антропонимии среднеазиатских дунган // Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980 ; *Его же.* Имена среднеазиатских дунган. Бишкек, 2003.

4. *Ошанин И. М.* Китайско-русский словарь. М., 1959.

5. *Решетов А. М., Седловская А. Н.* Влияние межэтнических контактов на антропонимию дунган // Ономастика Средней Азии. М., 1978.

6. *Стратанович Г. Г., Яншиансин Ю. Я.* Типы антропонимии дунган // Этнография имён. М., 1971.

7. *Яншиансин Ю.* Краткий дунганско-русский словарь. Фрунзе, 1968.

УДК 911.375-054(511)+316.334.56(511)+911.375.4:656

Г. Б. Дудченко

*Невский институт языка и культуры,
Санкт-Петербург, Россия*

G. B. Dudchenko

*Nevsky Institute of language and culture,
St.-Petersburg, Russia*

Хуньчунь как многофункциональное городское поселение

Hunchun as a multifunctional urban settlement

В статье приведен краткий анализ факторов, повлиявших на становление многофункциональности города Хуньчунь, расположенного на северо-востоке Китая. Среди них природные условия района, состав населения и т. д. Особое